

Дмитрий Фурман

От Российской империи к русскому демократическому государству

Национальное государство - нормальная, во всяком случае для Европы Нового времени, форма существования и государств, и наций. В XIX и XX веках оно было “энтелехией” таких великих процессов, как объединение Германии и Италии, распад Османской империи и Австро-Венгрии, приобретение независимости многими народами и странами. “Право наций на самоопределение” - один из великих лозунгов Нового времени. Сила лозунга была колоссальна, ибо справедливость этого права неоспорима, а его неразрывная связь с другими демократическими правами очевидна.

Как и все великие идеи, этот лозунг привел к пролитию рек крови, ибо его претворение в жизнь предполагало распад империй, гибель и рождение государств, перекройку границ. Когда начинается выяснение того, является ли данная этническая группа нацией и какова ее национальная территория, тут же, естественно, возникают проблемы, решаемые отнюдь не в результате научных дискуссий. Нации с большим энтузиазмом и пафосом говорят о праве самоопределения для себя, но тут же забывают о нем, когда речь заходит о других народах или меньшинствах, живущих на их собственных территориях. Самый страшный пример - гитлеровская Германия, без какого-либо перерыва перешедшая от требования самоопределения для немецких национальных меньшинств, дискриминируемых в иных государствах, к закабалению и уничтожению других народов. А из свежих примеров можно упомянуть Сербию, требовавшую самоопределения для сербов в Хорватии и Боснии, но отрицавшую аналогичное право для живущих в Сербии косоваров. Или Россию, силой подавившую чеченский сепаратизм, но отстаивавшую, тоже насилием, право на самоопределение осетин и абхазов Грузии.

С распадом Югославии и Советского Союза принцип национальных государств в Европе почти претворен в жизнь. Крупных европейских наций, которые не имели бы своей государственности, больше нет. Но одновременно этот принцип утратил былую силу. Во многом потому, что в основном реализован. И потому, что в памяти людей продолжают жить те войны, которыми сопровождалась его реализация. И потому, наконец, что в Европе победили демократия и интеграция. В демократическом обществе этническое меньшинство может иметь очень большие права в рамках инационального государства, а национальные суверенитеты и национальные самосознания в процессе европейской интеграции ослабляются и размываются. Достижение полной независимости Шотландией или Каталонией уже не возбуждает того энтузиазма, который некогда вызывала борьба за объединение Италии или освобождение Болгарии. Ибо при демократии в Великобритании и Испании шотландцы и каталонцы пользуются реальной автономией, а независимые Шотландия и Каталония все равно войдут в Европейский союз и подчинятся решениям, принимаемым в Брюсселе и Страсбурге. В Европе произошла смена “энтелехий” развития. Национальное государство сменилось в этом качестве наднациональной европейской общностью.

Россия - страна “догоняющего развития”, которая переживает в XXI веке процессы, пережитые другими странами в XIX - начале XX веков. Она вынуждена строить то, что в иных местах не только построено, но уже перестраивается. Для России национальное демократическое государство по-прежнему продолжает оставаться принципом развития. Российская Федерация - и не реальная демократия, и не национальное русское государство. Это остаток, “огрызок” российской и советской империи, скрепляемый имитирующей демократию авторитарной властью. И русское самосознание еще не вышло до конца из кокона имперского и советского самосознаний. Это - болезненное самосознание, мечущееся между имперским шовинизмом и реваншизмом и русофобским самоуничтожением и страхом национально-государственного распада.

В данной статье я хотел бы остановиться на причинах той особой трудности и незавершенности, с которой сталкивается становление русского национального самосознания и русского национального государства, а также попытаться представить себе его завершение.

***

Российская империя - государство, возникшее на основе русского этнического ядра, но ставшее в результате завоевания многочисленных и разнородных государств и народов полиэтническим[1]. Она управлялась элитой, включавшей представителей разных народов, сословно-классовые связи которой были неизмеримо сильнее этнических связей, а лояльность основывалась на преданности династии, а не на чувстве этнической

близости с русскими. Это находит отражение в самом термине “Россия”, возникшем при Петре I обозначении государства, провозгласившего себя империей. Этот термин - латинизация этнонимов “Русь”, “русский” - указывает одновременно и на этнические основы и генезис государства, и на то, что империя не тождественна русскому этническому ядру, а представляет собой нечто значительно большее[2].

Расширение империи и уменьшение в ее населении удельного веса русского этнического ядра обуславливали “хрупкость” имперского государства. Но еще более эта “хрупкость” усиливалась в результате процессов модернизации. Модернизация Российской империи в XIX веке естественно ведет к появлению национальных самосознаний. Обретая грамотность на формирующихся национальных литературных языках, выходя за пределы узких традиционных мирков, люди начинают осознавать себя не просто жителями какой-то местности, членами определенных сословий, подданными российского императора, приверженцами той или иной религии, а представителями разных наций. Появляются и национализмы - идейные и политические течения, стремящиеся сплотить естественно сложившиеся этнические общности в осознающие себя нации, живущие в собственных национальных государствах.

Возникает русский национализм. Но проблема национального государства у русских выглядела иначе, чем у других народов империи, а русский национализм принципиально отличался от прочих национализмов. Империя называлась Российской (почти Русской), она выросла из древнего русского государства, православие было государственной религией, императоры придерживались православного вероисповедания, и если даже не были русскими по крови, то отождествляли себя с русскими. Русские, будучи в этой империи даже менее свободными и благополучными, чем другие народы[3], и не имея как этническая общность никакой возможности осуществлять власть в самодержавном государстве или хотя бы влиять на нее, могли компенсировать свое политическое бесправие и относительную бедность символической причастностью к блеску и могуществу империи. Это затрудняло становление русского самосознания и обуславливало специфическую реакционность русского национализма.

Русские националисты возмущались нерусским характером имперской элиты и тем, что национальные меньшинства (например балтийские немцы или финны) располагали правами, которыми не обладали русские. Они выдвигали идею России как национального русского государства. Данная идея, однако, не предполагала построения такого государства на этнически русской территории, поскольку, во-первых, ее в Российской империи невозможно было четко определить, а во-вторых, в состав подобного гипотетического образования в любом случае не включались бы очевидно нерусские завоеванные земли. Но для националистов психологически невозможно выдвигать идею не приобретения, а отказа от каких-либо территорий, даже если речь идет о землях, которые объективно составляют для государства неподъемное бремя - как Польша в Российской империи или Чечня в Российской Федерации. Поэтому идея России как национального русского государства обычно излагается в виде требования покровительствующей русским и ущемляющей меньшинства политики, а также русификации всей территории, “завоеванной русским оружием”. Лозунг “Россия для русских” не подразумевал “Польшу для поляков”, не говоря уже об “Украине для украинцев” - и Польша, и Украина - тоже Россия и тоже для русских. Иначе говоря, русский национализм одновременно желал взаимоисключающих вещей: национального русского государства и сохранения империи. То, чего он хотел, было неосуществимой утопией, попытка реализации которой предполагала погромы, выселение целых народов, насильственную русификацию.

Все иные национализмы, складывающиеся в Российской империи, могли апеллировать к демократическим ценностям, но русский не мог этого делать, ибо в континентальной империи с неясными границами между имперским центром и периферией нельзя демократизировать центр, не допуская сепаратизма окраин. В отличие от “заморских” колониальных империй, в которых ставшая демократической метрополия может продолжать авторитарно управлять колониями, либерализация и демократизация в такой империи тут же приводят к дезинтеграции. Это четко сформулировал Александр II: “Если дать России конституцию - она развалится, поэтому я не даю, а не потому, что мне жалко поступиться своими правами”[4]. Империя держалась самодержавием, и, стремясь сохранить и русифицировать империю, русский национализм держался за самодержавие, утверждая его имманентность “русскости” на фоне антирусской природы освободительных движений. Антисемитизм стал его неотъемлемой принадлежностью.

Самодержавие и элита имперского общества относились к русскому национализму с опаской. Это все же была идеология нового, демократического времени, объективно подрывавшая безусловную традиционалистскую лояльность власти, выдвигавшая какие-то свои требования к ней и постулировавшая приоритет этнических связей над классово-сословными связями. Кроме того, русский национализм порождал реакцию других национализмов и тем самым объективно способствовал дезинтеграции империи, которую желал сохранить[5]. Но утрачивающее традиционалистскую легитимацию и опору в массах, сталкивающееся со все более сильным революционным вызовом самодержавие стремилось обрести новое обоснование в русской националистической “черной сотне”.

Антилиберальная и имперская позиция русского национализма изолировала его и от остальных национальных движений империи, и от либеральных и демократических течений русского общества. Для русских революционеров, боровшихся с самодержавной империей, любой национализм, кроме русского, выступал потенциальным или реальным союзником, в то время, как русский национализм, единственная массовая опора самодержавия, - главным врагом. Слово сочетание “Союз русского народа” становится символом погромов, а в названиях революционных партий слову “русская” просто нет места, так как оно “захвачено” реакцией. Все эти партии - “российские”, а не русские, а их национальный состав так же пестр, как и национальный состав имперской элиты. Правда, если в имперской элите избыточным было представительство немцев, то в революционной “контрэлите” - евреев[6]. В итоге революционное движение приобретает предельно интернационалистский и даже “русофобский” характер. Если черносотенцы были страстными антисемитами и изображали революционное движение результатом еврейского заговора, то Ленин вполне мог сказать: “Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови”.

Во время гражданской войны, разразившейся после падения подточенного революционными и националистическими движениями и не выдержавшего перенапряжения мировой войны самодержавия, белые воевали за империю, “Россию единую и неделимую”, а красные - за мировую революцию и всемирное социалистическое государство. Практически все народы империи, кроме русских, апеллировали к праву наций на самоопределение и пытались создать собственные национальные демократические государства. За демократическую русскую Россию, “Россию для русских”, сосуществующую с “Украиной для украинцев” и “Грузией для грузин” и предполагавшую их, не было практически ничего.

В гражданской войне побеждают большевики, разоружившие националистов нерусских народов империи своим страстным интернационализмом, ненавистью к русскому шовинизму и готовностью осуществить все их требования и проекты при одном условии, которое тогда могло восприниматься националистами как не слишком существенное, - господстве коммунистической партии. Можно сказать, что большевикам удалось восстановить империю (“потеряны” были только наиболее развитые западные окраины) именно потому, что они к этому не стремились. Для нерусских народов и их националистов при выборе между большевиками и белыми вопросов не возникало: большевики были если не добро, то безоговорочно меньшее зло.

Новое государство вначале мыслится не как наследник империи прошлого, а как плацдарм будущего всемирного социалистического содружества народов, как “временное” государство, необходимость которого вызвана задержкой мировой революции. В его названии нет никакого указания на преемственность с царской империей и на национальность. Это не Российский Союз, а Союз Советских Социалистических Республик, то есть союз любых республик, поскольку они - советские и социалистические. В конце концов, этот союз должен был стать всемирным. Первый гимн нового государства - “Интернационал”.

Большевики действительно во многом реализуют националистические программы разных народов империи, создавая национальные советские республики и проводя грандиозную работу по строительству “социалистических наций” (создание литературных языков, записи фольклора, формирование пантеонов великих имен). Возникает и некое подобие русской республики в лице РСФСР. Но специфика положения русских в Российской империи породила ряд принципиальных отличий от прочих советских республик. В противовес другим республикам Российская Федерация возникает не как реализация “национального проекта” и не как “национальный дом” определенного (русского) народа. Она формируется “по остаточному принципу”. В нее входят те земли, которые нельзя передать другим республикам и на которых трудно создать новые союзные республики - или народы слишком малы, или в результате русской колонизации их земли стали анклавами в массиве русских земель, и поэтому для живущих на них народов сделали “автономные” республики и области в составе РСФСР. Это как бы “огрызок” бывлой империи, куда входит множество самых разных народов с весьма далекими от русской культурами, но одновременно не входит ряд регионов с подавляющим русским большинством, по разным соображениям переданных советской властью другим республикам. В самом названии республики есть преемственность с империей, но нет указания на ее этническую основу (“российская”, но ни в коем случае не русская и вдобавок - федерация). Русские в СССР имеют “наименее национальную” республику. Кроме того, Российская Федерация не обладает рядом национально-государственных атрибутов, которыми обладают остальные. Есть компартии союзных республик со своими ЦК, но нет российской компартии, в каждой республике есть свои академии наук или творческие союзы, но в России их нет.

В 1920-х и даже 1930-х годах проявления русского национализма (“великодержавного шовинизма”) преследовались более жестко, чем проявления национализмов других народов; грандиозная работа по ускоренной модернизации бывших имперских окраин предполагала перекачку ресурсов из русского центра; преимущества для представителей бывших “угнетенных наций” при приеме в вузы предполагали

дискриминацию русских. Собрав все это вместе, мы получаем именно ту картину “эксплуатации русских” в СССР, которую в позднее советское время создавал русский национализм. Но эта картина - только одна сторона медали. Ее необходимо дополнить картиной “компенсации”, которую получали в союзном государстве русские и психологическое значение которой было настолько велико, что Советский Союз до сих пор вызывает у большинства русских ностальгические чувства[7], а Сталин только благодаря усилиям власти не получил первого места при голосовании за “имя России”. То, что под одним углом зрения есть свидетельство дискриминации и эксплуатации, под другим оказывается свидетельством особой, “имперской”, роли русского народа.

***

Государство, создававшееся большевиками, мыслилось ими как федерация равноправных республик. Но федерация, в которую на равных входили бы огромная Россия и крохотная Армения, просто невозможна. Ее, собственно, никогда и не было. Она существовала лишь на бумаге Конституции и как идеологическая догма. Реально же тоталитарное советское государство, основанное на квазирелигиозной догматической идеологии, было более унитарным и централизованным, чем Российская империя.

Централизованное государство на территории бывшей Российской империи, в котором официальным языком и языком “межнационального общения” мог быть только русский, а русские составляли самый большой по численности народ, не могло стать не чем иным, кроме нового издания империи. И по мере того, как исчезают надежды на мировую революцию и отступает марксистско-ленинский эсхатологизм, оно все более осознается и переосмыляется не как зародыш будущего всемирного союза народов, но как преемник Российской империи, как новое воплощение того самого государства, которое создавалось победами русских полководцев, украшавших своими именами новые воинские ордена.

Если основатель этого государства Ленин - ярый враг русского национализма и “русофоб”, то его преемник видит в себе одновременно и продолжателя ленинского дела, и последователя великих деспотов, создававших империю - Ивана Грозного и Петра Великого. В сменившем “Интернационал” гимне говорится: “Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь” (утверждение поразительное по заключенному в нем противоречию - республики свободны, но соединены навеки - которого, однако, никто не замечал). В советском государстве русским официально присваивается звание старшего брата советских народов. И, хотя существование национальных республик и развитие “социалистических наций” - непрекращаемые идеологические догмы, отказаться от которых, как и от марксизма-ленинизма, в целом было невозможно, с 1930-х годов восстанавливается политика русификации, а русский язык в республиках активно вытесняет национальные. “Сближение” и даже “слияние” наций, становление единого советского народа может осуществляться лишь на основе русского языка и культуры.

После войны, когда вокруг СССР создается кольцо вассальных коммунистических государств, Москва контролирует такую большую территорию, которая никогда в истории не управлялась из одного центра. Для внешнего мира эта грандиозная империя есть империя “русских”. Это серьезная компенсация за ущербное положение России в СССР и за общее бесправие в тоталитарном государстве. Русской республике быть не может, ибо СССР и есть русское государство. У других народов свои национальные “дома” и собственные республиканские патриотизмы, для русских же родной дом - весь СССР, а патриотизм у них советский, а не российский. В России нет своего ЦК и академии, поскольку союзные ЦК и академия и без того “в основном” русские, российские. И если средства перетекают из России в национальные республики, а представители нерусских народов пользуются преимуществами при приеме в московские вузы, то это потому, что русские - великий народ, старшие братья, которых бесконечно и ритуально благодарят и славословят прочие народы. Неслучайно в знаменитом тосте на банкете по случаю победы над Германией Сталин сказал:

“Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа. Я пью прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза [...] потому что он заслужил [...] всеобщее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны”[8].

Русское национальное самосознание в Российской империи так и не вырвалось из имперского плена. Идея русского национального государства возникает в искаженной форме требования русификации империи. В СССР русское самосознание попадает в новую, советскую, форму имперского плена. В Советском Союзе Россия есть самая *ненациональная* республика, а русские - народ с неопределенным, некристаллизовавшимся национальным самосознанием, которому очень трудно вообразить себя живущим в своем “национальном доме”, а не в громадном многонациональном государстве, где он играет роль главного народа.

***

Создание СССР задержало распад империи, возродив имперское государство в новой форме и предоставив ему новую идейную основу. Но силы, которые погубили прежнюю империю, продолжают действовать. Подобно тому, как Российская империя держалась традиционалистской преданностью монархии, которая в Новое время подрывалась всем развитием общества, СССР держался идеологией марксизма-ленинизма, превратившейся в набор утративших смысл формул, постепенно терявшей жизненную силу и вытесняемой демократической западной идеологией вкупе с националистическими идеологиями. Как империя подрывалась естественным становлением наций, так и СССР подтачивался теми же процессами, ускоряемыми колоссальной работой по “социалистическому нацистроительству”, проведенной большевиками, не подозревавшими о ее отдаленных последствиях. К моменту падения Российской империи большинство ее народов не имели ни ясного национального самосознания, ни четко очерченных национальных территорий, ни современной элиты, способной руководить новыми государствами. Сказанное в значительной мере объясняет легкость, с которой эти народы и их националисты поддались большевикам. Но в рамках СССР выжили более или менее жизнеспособные нации, имеющие все национальные атрибуты, собственную интеллигентскую и бюрократическую элиту и ту форму национальной государственности, которая затем легко наполнилась политическим содержанием. Позже это способствовало относительной легкости, бескровности и необратимости распада союзного государства.

В Советском Союзе, как и в Российской империи, русский национализм играет роль, принципиально отличную от роли других национализмов. По мере упадка коммунистической идеологии он (вместе с постоянно сопутствующим антисемитизмом) сначала используется властью как элемент в фантастическом по противоречивости идейном и символическом синтезе сталинской эпохи, а затем постепенно становится самостоятельной идейной силой[9]. При этом он, как и в царское время, так же неспособен к реальной самостоятельности и к союзу с другими подтачивающими имперское государство силами. Причины те же: он не в состоянии отказаться от империи, от СССР, и поэтому должен занимать болезненную и противоестественную идеологическую и политическую позицию. Идеология русского национализма - антимарксистская, но, поскольку скрепляющей империю силой является партия с ее официальной марксистско-ленинской идеологией, он вынужден сохранять лояльность этой партии и этой идеологии. Русский национализм снова стремится к чему-то невозможному - к превращению многонационального СССР, скрепленного коммунистической идеей, в откровенно национальное государство русского народа. Попытки разработать какую-то не советско-имперскую форму русского национализма предпринимались (прежде всего Александром Солженицыным), но ни к чему, кроме изоляции их инициаторов, не приводили.

На новом (высшем или низшем - зависит от точки отсчета) витке спирали все повторяется. Советское руководство относится к русскому национализму с той же опаской, что и царское, и так же по мере упадка скрепляющей государство идеологии все чаще обращается к нему за поддержкой. И снова русский национализм оказывается в изоляции. Для всех демократически настроенных граждан он есть пугало, цепной пес реакции. Антилиберализм и антидемократизм русского национализма вновь делают русский либерализм и демократизм “антинациональными”. Русофильский антидемократизм опять порождает русофобский демократизм.

Когда горбачевская перестройка перешла в распад Советского Союза и антикоммунистическую революцию, освободительные движения всех советских народов приобрели национал-демократический характер. Векторы антикоммунизма, демократизма и национализма для них совпадали; только у русских они расходились в разные стороны. Демократы в борьбе с горбачевским центром могли демагогически использовать аргументацию националистов, говоривших об эксплуатации русских[10], а националисты были бессильны противостоять лозунгам суверенизации России, слепо идя за демократами в разрушении той империи, которую им хотелось сохранить. Но то было лишь использование новыми революционерами слепых националистических инстинктов, которых они сами боялись. Синтеза, органического единства национального и демократического в русском антикоммунистическом движении быть не могло.

Разрушение СССР и превращение России в самостоятельное государство было единственным способом, каким демократы во главе с Борисом Ельциным могли прийти к реальной власти. Но если для других народов и их лидеров независимость выступала осознанной и идеальной целью, “осуществлением вековых чаяний”, то у русских такой цели не было, а для их лидеров ликвидировавшие СССР Беловежские соглашения оказались просто заключительным ходом в борьбе за власть. Русский народ не боролся за “независимость” и не хотел ее. В организованном по инициативе Горбачева референдуме он в подавляющем большинстве проголосовал за сохранение Союза, а Ельцин так и не решился, даже постфактум, подтвердить Беловежские соглашения новым референдумом. Попытка сделать день провозглашения суверенитета России праздником “независимости” вызывала только насмешки и недоумение. Народ поначалу даже не очень понимал, что союзное (имперское) государство действительно исчезло.

Да и само руководство во главе с Ельциным не осознавало, что оно совершило. Идея старшего брата, естественного лидерства русских на имперском пространстве была настолько прочна, что доминирование России казалось чем-то естественным и не зависящим от меняющихся государственных форм. Отношение российской власти к новым государствам определялось формулой “никуда они не денутся”.

***

Легитимность независимой России и восприятие этого государства живущими в нем людьми как естественного для них меньше, чем легитимность других новых государств. Оно не может восприниматься русскими как “национальный дом”, а его границы не рассматриваются как исторические и естественные. Вне России остались земли, преобладающе населенные русскими и по разным причинам переданные другим республикам. Среди них места, имеющие для русского самосознания громадную историческую ценность - как, например, Севастополь. Одновременно с этим, в российское государство входят земли разных народов с совершенно иной культурой. Во времена РСФСР они образовывали автономные республики. Для них легитимность нового государства и собственной принадлежности к нему еще более сомнительна, чем для русских. Таким народам, как чеченцы, практически вся история которых - это история сопротивления русскому завоеванию, трудно примириться с мыслью, что они не имеют права на независимость только потому, что в СССР при проклинаемом тоталитарном режиме и ненавистном Сталине им достался статус не союзной, а лишь автономной республики.

Государство, не обладающее прочной легитимностью ни с точки зрения основного народа, ни в глазах национальных меньшинств, в условиях слабости центральной власти и общего трансформационного кризиса начинает распадаться. Автономии провозглашают независимость. Более того, возникает не имеющий никакой идейно-национальной мотивации сепаратизм русских регионов, появление которого прямо связано с этой сомнительной легитимностью. Появляются призраки Дальневосточной, Уральской, Сибирской и прочих республик, которые кем-то могут восприниматься в качестве не менее естественных и легитимных, чем сама Россия в ее странных границах.

Для пришедшей к власти группы во главе с Ельциным этот самораспад государства одновременно был и угрозой, и средством удержания своего господства, путем превращения его в безальтернативное. Преображение победителей 1991 года в авторитарных правителей объясняется, конечно, не только угрозой распада миниимперии: за ним стоит общая культурная и психологическая неподготовленность к демократии. Но угроза распада сыграла колоссальную роль в оправдании авторитарной эволюции. Намечающийся распад как бы в очередной раз демонстрирует народу, что без сильной и персонифицированной центральной власти, без “хозяина”, общество погрузится в хаос, а русские могут вообще утратить собственное государство и даже исчезнуть как единый народ. Единство Российской империи стояло на самодержавии. Единство СССР держалось тоталитарной властью. Единство Российской Федерации, “огрызка” империи, также может поддерживаться только сильной властью безальтернативного президента, в которой легко просматривается традиционная для России личная власть царей и генсеков. Как и в прежних больших империях, в российской миниимперии поддержание единства неотделимо от строительства бюрократической вертикали.

В период борьбы за власть российские демократы выдвигали лозунг права наций на самоопределение, а их лидер Ельцин призывал нерусские народы взять столько суверенитета, сколько удастся проглотить. Но, когда власть в России уже была завоевана, о праве наций на самоопределение тут же забыли - о нем вспоминали только, когда речь заходила о сепаратизме у российских соседей, - а Ельцин быстро вошел в роль борца за единство и неделимость своей новой страны.

Созданное большевиками государство, несмотря на догматически закрепленный интернационализм, пришло к осознанию себя как преемника империи - ее нового воплощения. Сменившее его государство, несмотря на

провозглашенные при его создании демократические ценности, пришло к подобному осознанию еще быстрее. Ельцинская власть идет по самому безопасному, удобному для нее и психологически наиболее понятному для русского массового сознания пути консервации и даже расширения доставшейся ей миниимперии. А это вновь требует восстановления этнической “двусмысленности”, которая была присуща и Российской империи, и Советскому Союзу. Новая Россия - значительно более “русское” государство, чем СССР. В отличие от СССР, русские в нем составляют несомненное большинство (79,8% в 2002 году, хотя их удельный вес неуклонно снижается). Но при этом термины “русские” или “русское государство” тщательно избегаются новой властью. Вместо них пропагандируется лишенный этнической нагрузки термин “россияне”. Русское сознание вновь вводится в привычную для него имперскую форму, в рамках которой авторитарный и наднациональный характер государства компенсируется тем, что русские - “главный” народ империи.

Ельцин начинает войну против народа, который действительно решился “проглотить” и отстоять суверенитет, - против чеченцев. Первая война не привела к “замирению” Чечни и ее включению в российскую властную вертикаль. И, хотя война была очень непопулярна, а русское общественное мнение в принципе было готово смириться с потерей Чечни, фактическое поражение российской армии, нанесенное ей воинскими формированиями народа, численность которого составляет менее 1% численности русских, и закрепившие это поражение Хасавюртовские соглашения были восприняты как национальное унижение. В ходе передачи власти от Ельцина к избранному им преемнику война возобновляется, поскольку позволяет консолидировать общество. Владимиру Путину, в конце концов, удается сломить чеченское сопротивление и формально вернуть Чечню в Россию, хотя фактически здесь возникает вассальное авторитарное государство.

По мнению Путина, сохранение единства и целостности России - его главная миссия. Он говорит об этом в своей книге-интервью:

“Кавказ отошел бы весь, это же понятно. [...] Потом вверх по Волге - Башкортостан, Татарстан. Вы знаете, когда я представлял себе реальные последствия, - меня оторопь брала. Я думал [...] сколько беженцев смогут принять Европа, Америка? [...] Или пришлось бы согласиться на раздел страны”[11].

Эти видения не лично путинские; это образы, присутствовавшие в массовом российском сознании. Но для второго российского президента они стали главным идеологическим оправданием демократически камуфлируемого авторитарного режима. Укрепляя личную власть, он как бы спасает страну от распада, а Европу и Америку - от фантастических миллионов беженцев.

В созданной Ельциным и достроенной Путиным до “классической” формы имитационно-демократической системе, как и в тоталитарном СССР, федерализм может быть только фасадным, фиктивным. Провозгласившие свои суверенитеты национальные республики уравниваются Путиным в правах (или в отсутствии таковых) с русскими регионами и включены в большие округа, во главе которых стоят назначенные президентом заместители. Путин фактически ликвидирует федерализм, перейдя к назначению губернаторов и сделав Совет Федерации собранием назначенных этими губернаторами и региональными собраниями представителей.

Как в Российской империи и Советском Союзе, интеграция распадающегося государства в постсоветской России обеспечивается властной вертикалью и подавлением спонтанных национальных движений. Но, подобно положению дел в СССР, такая интеграция через властную вертикаль остается в значительной мере формальной. Полный отказ от идеи федерации и от национальных республик нереален, а возможности московского контроля над республиканскими элитами ограничены. Фактически бюрократическая вертикаль постепенно превращается в вертикаль квазифеодальную. Лидеры республик лояльны Москве и платят разнообразную дань, в том числе голосами, а стремящаяся к стабильности Москва не вмешивается в их “внутренние” дела. В республиках складываются похожие на общероссийскую систему собственные безальтернативные политические системы, объективно закладывающие основы для их отделения от России в будущем. Властная вертикаль не ликвидирует хаос, но загоняет его вовнутрь. Пока он таится под спокойной и монолитной поверхностью и ждет своего часа, чтобы вырваться наружу.

Слабая легитимность границ Российской Федерации в российском сознании связана и с тем, что оно в определенной мере видит в старых советских границах (в основном совпадающих с пределами Российской

империи) естественные исторические рубежи “большой России”. Даже сейчас только 14% россиян высказываются за полностью независимое существование бывших советских республик, а 54% отрицательно отвечают на вопрос о том, считают ли они Украину зарубежьем[12]. Поэтому Российская Федерация, осознающая себя преемницей царской России и СССР, не может не стремиться к особой, доминирующей роли на постсоветском пространстве. “Собирание земель” внутри России и борьба за включение бывших автономий во властную вертикаль сопровождаются “собираем” вокруг России постсоветского пространства и борьбой за подчинение бывших союзных республик. Это два аспекта единой политики, диктуемой самой природой нового российского государства - миниимперии, скрепляемой авторитарной властью.

Сам “ропуск” СССР был замаскирован Ельциным (причем не только для народных масс, но в значительной мере и для самого себя) созданием СНГ, которое мыслилось как новая форма объединения вокруг России имперского пространства. Доминирование на этом пространстве становится важнейшей целью российской власти. Едва успев справиться с сепаратистскими движениями внутри, Россия начинает поддерживать обращающихся к ней за помощью и выливающих на нее потоки психологически необходимой ей лести сепаратистов из других республик. В отделяющиеся регионы вводятся российские “миротворцы”, и это не позволяет новым государствам подавить сепаратизм силовым путем - так, как сама Россия сделала в Чечне. Это возвращает России ощущение “старшего брата”, вершителя судеб младших. У властей молодых государств, на территории которых созданы защищаемые Россией сепаратистские анклав, поддерживается ощущение, что, если они будут “хорошо себя вести”, Россия пожалует их и вернет им территориальную целостность.

Характерно, что, активно поддерживая национальные сепаратизмы в постсоветских государствах, Россия с большой осторожностью относится к самоорганизации самих русских в новых государствах. Дело в том, что поддержка русского ирредентизма подрывала бы суть российского государства как многонациональной миниимперии и исключала бы доминирование на постсоветском пространстве. Выбирая между такой поддержкой и хотя бы символическим признанием со стороны новых соседей своей руководящей роли, Россия безоговорочно предпочитает последнее.

Как отмечалось выше, упрочение российской миниимперии неотделимо от утверждения в России авторитарной имитационно-демократической системы власти и закрепления изоморфных моделей в бывших автономиях. В свою очередь стремление расширить кольцо вассалов и заявить о претензии на постсоветское пространство как на сферу российских интересов неотделимо от желания России утвердить в новых государствах политические режимы, похожие на ее собственный. Авторитарные правители стран СНГ дорожат своей независимостью и не стремятся попасть в подчинение России. Но перспектива интеграции в западные союзы для них, как и для самой России, закрыта в силу несовместимости подобных режимов с западными политическими системами. Вместе с тем они знают, что в трудную минуту (“цветной революции”, бунта типа андиганского, кризиса передачи власти) Запад им не поможет, а вот Россия, как минимум, попытается помочь. Пока и поскольку в постсоветских странах сохраняются авторитарные и единоличные режимы, сохраняется пусть слабое и неполное, но доминирование самой большой и сильной страны с режимом данного типа - “старшей сестры”, России.

В уменьшенных размерах и в не столь жесткой форме восстанавливается послевоенная структура советской империи, состоящая из “колец”. Прежде всего есть собственно “русская Россия”, составляющая имперское ядро. Далее, есть национальные республики, входящие в Российскую Федерацию, степень реальной самостоятельности которых никак не связана с их формальным конституционным положением. Наконец, есть внешнее кольцо постсоветских республик, формально независимых, но все же входящих в сосредоточенное вокруг России постимперское пространство и привязанных к ней, - более рыхлый, но все же аналог “социалистического лагеря”.

***

Как уже говорилось в начале статьи, национальные демократические государства были “энтелехией” развития для Европы XIX-XX веков. Такое же государство остается “энтелехией” и для России. 1991 год есть лишь веха, а постсоветская Россия - лишь этап в этом процессе, как этапом был и СССР. Установившаяся у нас имитационно-демократическая система, не имеющая идеологического основания и внутренне противоречивая, непрочна, она естественным образом разрушается, и впереди Россию ожидает неизбежный кризис, связанный с новой попыткой перехода к реальной демократии. Такие кризисы всегда возникают более или менее неожиданно, и полностью подготовиться к ним невозможно. Но какие-то их черты предвидеть можно.

Опыт двух неудачных попыток демократизации (в 1917-м и 1991 годах) свидетельствует о том, что как только в России начнется новое движение к демократии (“третья попытка”), тут же вновь выйдет на поверхность сепаратизм нерусских народов. Подлинно демократические выборы во входящих в Российскую Федерацию национальных республиках, при которых не выдвигалось бы требование независимости, просто непредставимы. При этом наряду с сепаратистскими идеями и лозунгами неизбежно выйдут на поверхность и многочисленные взаимные претензии национальностей. Вновь встанут предельно сложные проблемы освобождения друг от друга народов, волонтаристски соединенных советской властью в рамках одной автономии. Вполне возможно, что возникнут и какие-то сепаратистские или автономистские движения в русских регионах, естественно, более слабые и менее мотивированные, но тоже вносящие вклад в общую дестабилизацию. Тот хаос, который вырвался на поверхность на рубеже 1980-х и 1990-х годов, а затем был загнан вглубь авторитарной властной вертикалью, вновь выплеснется наружу. Страна опять столкнется с громадным числом труднейших проблем, которые теоретически должны преодолеваться годами, если не десятилетиями, но которые потребуют быстрого и одновременного решения.

А это означает, что мы вновь окажемся перед дилеммой - либо распад миниимперии и новое “умаление” России, либо новый отказ от демократии, подавление сепаратизма и построение еще одной “властной вертикали”, в очередной раз загоняющей хаос вглубь.

Для того чтобы в этой ситуации общество все же не отказалось от демократии, чтобы “третья попытка” была успешной и не привела к третьему циклу распада и хаотизации, заканчивающейся восстановлением авторитаризма, нужны фундаментальные изменения в сознании общества. Прежде всего, необходимо понимание громадного масштаба и трудности наших проблем, а также самой необходимости их решения. Нужно также преодолеть архаическую национально-государственную жадность, инстинктивное нежелание отдавать “свое”, ибо исходя из презумпции “единства и неделимости” России решить будущие проблемы невозможно. Естественно, что никого не надо выталкивать из федерации. Построение новых независимых государств - дело очень трудное, и вполне вероятно, что, если нерусским народам будет действительно гарантирована автономия с сопутствующей реальной возможностью выйти из России, они ею не воспользуются. Но при этом надо понимать: удержание Чечни и других республик не только не стоит того, чтобы вновь надевать на себя смирительную рубашку властной вертикали, но, более того, их независимость стала бы для русского народа не утратой, а приобретением. Разумеется, новое “сжатие”, “уменьшение” России все равно будет переживаться болезненно. Оно объективно не может не быть очень трудным, в ряде аспектов даже более трудным, чем распад СССР. И компенсацией этой боли может быть только осознание того, что потеря миниимперии есть обретение “нормального” национального русского демократического государства.

Россия должна быть переосмыслена как национальное русское государство. Это переосмысление может быть лишь очень трудным процессом, преодолевающим не только привычные имперские мотивы русского национализма и русского национального чувства вообще, но и инстинктивную русофобию либералов и демократов, боязнь всего, напоминающего о русском национализме, - вплоть до самого термина “русский”. Слова “Россия для русских” сейчас выглядят диким ксенофобским лозунгом. Но они должны быть констатацией банальной истины. Россия для русских - а для кого же еще? Россия - для русских, Польша - для поляков, Украина - для украинцев, а Чечня - для чеченцев. Это не только не означает отрицания права других на свои “национальные дома”, но предполагает его.

Зародыши такого переосмысления и освобождения русского самосознания от имперского плена уже сложились. Их можно увидеть в не всегда внятных идеях Александра Солженицына, мучительно искавшего неимперские основания русской национальной гордости. Элементы их были в смутном и противоречивом сознании русских националистов, поддерживавших российский суверенитет[13], и в идеалистических проектах радикальных демократов рубежа 1980-х и 1990-х годов (“Конституция Андрея Сахарова”), предполагавших право автономий на независимость и, следовательно, превращение “остальной” России в национальное русское государство. В единодушии демократов и националистов, сплотившихся в борьбе с союзным центром, было очень много обмана и самообмана с обеих сторон, но в нем имелись и зерна будущего синтеза. Относительная легкость, с которой русские согласились с распадом СССР, в какой-то мере говорит и об усталости от империи, о тяге к собственному государству. Чеченская война не была популярна, а перспектива отдать Чечню чеченцам не пугала русских и не пугает их сейчас[14]. Но все это - лишь первые признаки того синтеза русского и демократического, достижение которого невероятно трудно, но без которого третья попытка построить в России демократию может оказаться не успешнее двух предыдущих.

“Россия для русских” - это антитеза “русских для России”, государству, в котором русские платят и своей свободой, и своим благосостоянием, и своей кровью за то, что другие народы подчиняются, причем не русским как народу, а их правителям, имеющим русскую национальность. “Россия для русских” - это демократическая Россия, государство, являющееся инструментом для достижения общего блага народа. Это - достижение того, что было неосознаваемой “энтелехией” нашего развития в Новое время.

Но, как уже говорилось, Россия догоняет других. Она вступает в стадию, многими давно пройденную. Национальное государство для европейских народов есть пройденный этап. Сейчас формируется новая “энтелехия” - надгосударственной и наднациональной общности.

Вообще избежать прохождения национально-государственного этапа, совершить прыжок из минимперии в наднациональную общность, миновав этап национального государства, по-видимому, невозможно. Но это национальное государство не может утвердиться надолго. Догоняя других, Россия должна менять векторы развития. Национальное демократическое государство - это государство, которое может и должно войти в надгосударственную и наднациональную общность Европы. Хотя идея вступления в Европейский союз и поддерживается большинством нашего населения[15], сейчас она выглядит совершенно фантастично. Но ведь если бы в конце 1980-х годов кто-то сказал, что СССР распадется, а некоторые из его республик войдут в ЕС и НАТО, это тоже выглядело бы оторванным от реальности фантазированием. Вхождение в Европу - очень большая компенсация для народа, который, не умея выработать европейских форм политической жизни, все же культурно ориентирован на Европу[16]. Это положило бы конец русской боязни изоляции и русским мучениям самоидентификации (“европейцы мы или нет?”). И, поскольку вхождение России в Европу, вне которой оставались бы Украина, Белоруссия, Молдавия, немислимо, это означало бы прекращение очень болезненного для русских, да и для народов этих республик, процесса превращения их в настоящую “заграницу”.

Это будет концом российской истории - истории строительства, крушения и нового строительства империй, в которых русские возмещают свое бесправие тем, что во главе подавляющей другие народы власти стоят их представители. И это станет началом совсем другой истории - истории русских, живущих в общеевропейском доме в своей национальной квартире, как французы - во французской, шведы - в шведской, украинцы - в украинской.

---

1) В 1717 году русские составляли 70,7% населения империи, в 1762-м - 62,3%, в 1795-м - 48,9%, в 1857-м - 45,9%, в 1914-м - 44,6%.

2) Позже министр финансов Николая I Евгений Канкрин вообще предлагал отказаться от связанного с этническим названием термина “Россия” и переименовать страну в Романовию или Петровию.

3) Средняя продолжительность жизни у русских (28,7 лет) была ниже, чем у немцев (45), латышей (45), финнов (44,3), эстонцев (43,1), литовцев (41,8), поляков (41), евреев (39), украинцев (38,1), молдаван (40,5), белорусов (36,2), башкир (37,3), татар (34,9), чувашей (31). К концу XIX века русских, умеющих читать, было 29,3%, в то время как финнов - 98,3%, эстонцев - 94,1%, латышей - 85%, немцев - 78,5%, евреев - 50,1%, литовцев - 48,4%, поляков - 41,8%, греков - 36,7% (см.: Сергеев С. *Нация в русской истории: цена империи*(www.apn.ru/publications/article21603.htm)).

4) Цит. по: Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX вв.)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. С. 152.

5) Одного из “отцов” русского национализма, Юрия Самарина, выступавшего против немецкого засилья в Остзейском крае, Николай I просто посадил в крепость.

6) Среди революционеров, репрессированных царским правительством в 1905-1917 годах, русские составляли 43,5% (см.: Миронов Б.Н. *Указ. соч.* Т. 1. С. 43).

7) Ни в одном опросе, проводившемся с 1992-го по 2009 год, удельный вес респондентов-россиян, сожалеющих о распаде СССР, не опускался ниже 60% (см.: *Общественное мнение - 2009*. М.: Левада-центр, 2009. С. 191).

8) Цит. по: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69226>.

- 9) О русских националистах как группе давления см.: Митрохин Н. *“Русская партия”*. *Фрагменты исследования* // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 245-297.
- 10) На встрече с общественностью в Уфе в августе 1990 года Ельцин говорил: “Россия подкармливает всех, Россия все время жертвовала. Россия все время отдавала. [...] Мы не можем допустить, чтобы мы оплачивали другие государства, направляя помощь туда, да и другим республикам” (цит. по: *Союз можно было сохранить. Белая книга. 2-е изд.* М.: АСТ, 2007. С. 165).
- 11) *От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным*. М.: Вагриус, 2000. С. 135-136.
- 12) *Общественное мнение - 2009*. С. 149, 152.
- 13) Впервые идея выхода России из Советского Союза прозвучала в мае 1989 года на Съезде народных депутатов СССР в выступлении не кого-то из демократов-западников, а русского националиста, писателя Валентина Распутина, который использовал ее в полемике с балтийскими депутатами (см.: www.slavic-europe.eu/index.php/comments/1). Разумеется, это было демагогией, но все же не просто демагогией. О роли русского национализма в разрушении СССР см.: Соловей Т., Соловей В. *Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма*. М.: Феория, 2009; Фурман Д. *Великое русское государство - идея-ловушка* // Свободная мысль. 1992. № 1. С. 4-16.
- 14) На вопрос “Как вы относитесь к возможности отделения Чечни от России?” в 2009 году были получены следующие ответы: “Считаю, что отделение Чечни уже состоялось” - 10%; “Был бы только рад такому развитию событий” - 14%; “Это не произвело бы на меня особого впечатления” - 21%; “Против такого развития событий, но готов смириться с этим” - 19%; “Этому следует воспрепятствовать любыми средствами, включая военные” - 22%. При этом 16% считают, что, в конце концов, республики Северного Кавказа отделятся от России, и 30% - что они будут источником напряжения в течение десятилетий (см.: *Общественное мнение - 2009*. С. 115).
- 15) “За” и “скорее за” вступление России в ЕС в 2009 году высказывались 53%, “против” и “скорее против” - 21% (см.: *Общественное мнение - 2009*. С. 179). НАТО, однако, продолжает восприниматься россиянами как враждебная сила.
- 16) Путин, при котором российский режим приобрел совсем “неевропейские” формы, тем не менее, говорил, похоже, искренне: “Мы - часть западноевропейской культуры. И вот в этом наша ценность, на самом деле. Где бы ни жили наши люди - на Дальнем Востоке или на юге, мы - европейцы” (цит. по: *От первого лица... С.* 156).